

Глава 3. Школьный Учитель

Не успел отгореть сентябрь, как и октябрь незаметно подобрался к своему концу, и в один прекрасный день Золотая Осень внезапно сбросила свой огневой наряд, холодным ветром пробежалась, обнажённая, по земле и, закрыв небо свинцовыми тучами, умылась брызгами морозящего дождика.

В садах и двориках печально ссутулились почерневшие липы и тёмно-зелёные намокшие тополя.

А спустя несколько дней, едва всё подсохло, резко похолодало и выпал обильный пушистый снег, а лужи на асфальте затянулись тонкой корочкой льда.

В пятницу по первому снегу девчата побежали на поляну Троеборья в надежде слепить снегурку не хуже той, с которой началась их дружба. Они любили время первого снега: чёрные проплешины влажной земли, груды опавших листьев и стрелки пожухлой травы под белоснежными шапками, словно золотая россыпь на льняной отбеленной ткани. Берёзы в палисаднике у Веточкиного дома оделись в новые серебристые наряды, сронив листву. Нарядное серебро украсило и стены Лесного Чертога. Блестящие на солнце самоцветы рассыпались по замысловатым переплетениям подлеска, пушистой периной укрылись поваленные осины, так что замшелые завалы стали походить на залежи малахита из кладовых Медной Горы. Но в мрачном ельнике царили угрюмое безмолвие и чёрно-зелёный сумрак.

Девчата брели по заснеженной тропинке, с удовольствием вдыхая бодрящий холодный воздух, мяли в ладонях быстро тающие пушистые хлопья и обсуждали, как всегда, всё подряд. На носу был день рождения Медвежонка, и подруги, кроме всего прочего, решали, чем они будут заниматься.

– Будем есть мёд, – мечтательно сказала Веточка. – А потом гулять в Лесу.

– Только желаний больше, чур, не загадывать, – потребовала Медвежонка. – А то плотину ещё, чего доброго, прорвёт.

Девчата невольно улыбнулись, вспомнив, как почти месяц назад, после странного крика на Болотах и разговора о Лешем, они вернулись домой и узнали, что было, оказывается, землетрясение. У Снежинки и Медвежонка, живших на десятом этаже, даже посуда кое-какая побилась, а у Белочки треснула и местами осыпалась штукатурка.

Народ, впрочем, не очень-то испугался. Повысыпали из домов кто в чём был, прихватив, как полагается, документы и деньги. Мужики, те сразу за поллитрой побежали – отметить такое событие, а кое-кто даже напрягаться не стал.

– Алекс-то мой, – рассказывала потом Снежинка, захлёбываясь смехом, – решил, ха-ха-ха, чайку попить – только с универа прикатил. Ну, у него чайник вскипел, а тут, ха-ха-ха, тут дом наклонился, и что плохо лежало – как полетит! Он-то, ха-ха-ха, чайник едва успел поймать да чашку. А потом сел и думает: спускаться-не спускаться, чай-то готов, да и лень одеваться снова! – Алексом Снежинка называла старшего брата Сашу.

Вот уж повеселились.

– А я и не подумала о землетрясении, – заметила Веточка. – Подумаешь, земля толкнулась.

– Ну да, – съязвила Белочка. – Каждый день земля под ногами пляшет. Стоп! – Она внезапно остановилась, да так резко, что Медвежонок, смотревшая на Веточку, с разгону врезалась в неё, ощутило ударившись виском о русский затылок, и упала бы, если бы Лисичка не поддержала её.

– В чём дело? – спросила Веточка, но тут же осеклась.

До Троеборья оставалось метров двести, и в извечной тишине Леса отчётливо слышалась какая-то возня. Снежинка прислушалась.

– Может, я и не права, – нерешительно сказала она, – но, по-моему, это с нашей поляны, и, по-моему, там драка!

– Опять мальчишки! – гневно воскликнула Лисичка. – Да что же это такое!

– Тише! – цыкнула Белочка и замерла, пытаясь понять, что происходит.

– Не-е, – сказала она наконец. – Там кое-кто покрупнее.

– Может, пойдём домой? – спросила Веточка. – Мало ли что!

– Ну уж дудки! – В глазах у Белочки зажглись колючие серебристые огоньки интереса. – Айда позырим, что за сходка на нашей точке. Пальбы вроде нет – и то ладно.

Девчата осторожно подкрались к зарослям дикой малины, согнувшейся под тяжестью снега, и замерли от изумления, спрятавшись за раздвоенный ствол белой берёзы.

Ибо на поляне, среди сверкающей целины, ожесточённо дрались юноша и девушка.

Юноша лет двадцати был одет в странного покроя тёмно-синие брюки из шерстяной ткани вроде габардина, серый полинялый свитер и чёрную

кожаную куртку, на спине которой красовалась голова волка с оскаленной пастью, нарисованная белой с зеленоватым оттенком краской.

Девушка выглядела ещё экзотичнее: на ней был просторный сах из составного меха ворсом внутрь, украшенный орнаментированными мозаичными полосами и суконным кантом, вставленными в основные швы, на голове – капор, небрежно откинутый назад, на ногах – ровдужные чулки и лунты с орнаментированными швами. Узор на мозаичных полосах повторял бисерную вышивку суконного канта: на красном поле жёлтые «домики», образованные перпендикулярно сходящимися полукрестами перекладиной внутрь и сгруппированные по два, один над другим. Особенно бросалась в глаза необычная причёска девушки: хлопчатобумажная налобная повязка, расшитая бисером и украшенная аппликацией, с прикреплёнными позади разноцветными косоплётками, чьи концы, спускавшиеся ниже тугих кос, были скреплены металлической бляхой. Повязка плотно облегла огненно-рыжие волосы, расчёсанные на прямой пробор. Неожиданным во всём этом «ансамбле» был грубый мужской пояс из чёрной кожи без орнамента.

На девчат всё это произвело сильное впечатление, тем более что юноша и девушка дрались по-серьёзному.

В руках у них что-то блестело.

Глазастая Лисичка различила в ярких лучах солнца лезвия больших ножей – судя по всему, заточенных, ибо при каждом точном ударе слышался треск разрываемой одежды, а раненый испускал громкий стон.

Впрочем, таких ударов было немного: и юноша, и девушка, необычайно гибкие и пластичные, каждый раз ловко уходили из-под ножа противника. Особенно девушка. Её молниеносные движения напоминали броски дикой кошки. При каждом ударе она издавала резкий, на выдохе, крик, похожий на возгласы теннисисток. Её противник держался спокойнее и двигался тяжелее: казалось, он просто ждёт очередного удара, чтобы отвести его в сторону одним движением руки.

Девчата следили за происходящим, не зная что предпринять. Пока они размышляли, девушка неожиданно сделала подсечку, юноша на мгновение потерял равновесие, и блестящее лезвие резануло его по щеке. Брызнула кровь, Лисичка вскрикнула, и парочка разом замерла, а девчата вжались в сырой снег за берёзой. Наконец, Медвежонок нерешительно выглянула из-за ствола и увидела, что юноша стоит, прижав тыльную сторону ладони к ране, а девушка опустилась на одно колено и внимательно принюхивается.

Юноша, видимо, что-то спросил у неё, потому что она мотнула головой, потом бросила стремительный взгляд в сторону раздвоенной берёзы и, резко вскочив на ноги, отошла к трём соснам.

Медвежонка поразили её глаза: огромные, ярко-зелёные, как у кошки, пронзительные – их можно было различить даже с такого расстояния, и Медвежонок удивилась, что девушка ничего не заметила: казалось, такие глаза способны увидеть всё на свете. Но она, вероятно, была полностью поглощена своим противником.

Юноша стоял неподвижно, оперевшись на волка, и всё ещё зажимал рану рукой. Скорее всего, он был даже постарше девушки, но выглядел очень молодо. Его узкое гранёное лицо обрамляли жёсткие вклученные волосы серебристо-серого цвета (или просто седые?) с редкими светло-коричневыми прядями – создавалось впечатление, что он принципиально не брился и не расчёсывался. И в этой, похожей на звериную шерсть «оправе», сверкали янтарные глаза, такие же пронзительные, как у его подруги.

Наклонив его голову к себе, девушка стала решительно вылизывать глубокий порез. Юноша слегка отстранился и коротко угрожающе рыкнул. Прямо как волк. Этот странный гортанный звук долетел до раздвоенной берёзы, и девчата вздрогнули.

– Меня сейчас вырвет, – брезгливо шепнула Лисичка. – Что за гадость!

– Пойдём отсюда, а? – взмолилась Веточка.

– Они могут услышать, – ответила Медвежонок. – Эта, вон, и так насто-рожилась, когда Лисичка ойкнула.

Девчата снова посмотрели на поляну. Девушка уже сидела, прислонившись спиной к средней сосне, и аккуратно вытирала о ровдужные чулки лезвие ножа, запачканное кровью.

Нож впечатлял своими размерами и формой: тридцатисантиметровое лезвие, изогнутое полумесяцем и напоминавшее скорее сельскохозяйственный серп, и костяная рукоять в полторы ладони – ничего подобного девчата в жизни не видели.

Юноша присел на волка. Глубокий порез на его щеке затянулся, превратившись в белёсый шрам. Некоторое время они с девушкой о чём-то говорили, а потом неожиданно резко вскочили, словно собираясь покинуть поляну.

Девчата прижались к берёзовым стволам: они боялись, что если эта парочка пойдёт по тропинке, то непременно обнаружит случайных свидетелей своих игр. Однако когда Медвежонок наконец решила выглянуть из укрытия, на поляне уже никого не было, и только на подтаявшем, истоптанном снегу темнели пятна крови.

Девчата сидели не шевелясь. Сидели долго. Первой тишину нарушила Белочка.

– Вы чё-нибудь поняли? – спросила она.

Лисичка замотала головой.

– Вот и я не врубилась.

– Кто эти люди, и откуда они взялись? – Веточка обвела взглядом подруг.

– Ты это нам? – ответила Снежинка. – Спроси чего полегче.

– Может, они – ролевики-толкинисты? – нерешительно предположила Медвежонок.

– Не-е, – возразила Лисичка. – Ты что, сама не видишь: дикие они какие-то.

Медвежонок согласно кивнула: от этой парочки веяло чем угодно, только не Толкином. Ей стало не по себе.

– Пойдёмте-ка домой, – сказала она.

– Я уже давно это предлагала, – напомнила Веточка.

Придавленные свежими впечатлениями, подруги побрели к дому.

По дороге почти не говорили: событие было настолько необычным, что они не знали, что и сказать.

Дома Медвежонок долго ходила из угла в угол под пристальным взором брата, пока не вывела его из себя.

– Кончай маячить, – сказал он. – Мечешься, как лев в клетке.

– Как медведь, – поправила его девушка.

– Да по барабану. Сядь, не мельтеши!

Медвежонок обиженно села за стол и стала смотреть в окно.

«Кто же они такие? – подумала девушка. – И откуда?»...

– Я знаю, откуда они! – торжественно объявила Снежинка на следующий день, когда подруги собрались на привычном своём месте у расписания.

– Не томи! – нетерпеливо сказала Лисичка.

– Они живут у нас в подъезде на нашем этаже – я их сегодня видела! Они муж и жена. Его зовут Сергей, а её – Олеся.

– Что-то я не помню у вас таких соседей, – перебила её Медвежонок.

– Прикол в том, что я – тоже, – сказала Снежинка. – Они как из-под земли выросли!

Девчата призадумались.

Неожиданно Веточка, чей отрешённый взгляд рассеянно блуждал по расписанию, удивлённо сказала:

– Глядите-ка: у нас что-то новенькое!

Рядом с расписанием на доске, где висели планы факультативных занятий, подружки увидели небольшой листок, на котором от руки было написано:

В понедельник, 27 октября 2003 года

*Сергей Владимирович Карагаев,
старший преподаватель каф. филологии НГУ,
начинает читать с/к «Культура в зеркале языка».*

Если вам интересно, что общего между материальной, духовной, сельскохозяйственной и физической культурой, из какой материи сделан материальный мир и кто соткал ткань мироздания; бывают ли в реальности лешие и почему можно заблудиться в трёх соснах, приходите в 17-00 в Ленинскую комнату.

Серый В.

– Клёвый почерк, – заметила Снежинка.

– И тема прикольная, – подхватила Белочка.

– Запишемся?

– А что, – согласилась Лисичка. – Интересно посмотреть на человека, который в наши-то дни пишет объявления от руки, да ещё таким почерком.

Лисичка, конечно, преувеличивала: люди, писавшие от руки объявления, были не так уж и редки, даже в Лицее. Другое дело, что почерк у них не всегда был хорош. Впрочем, учителя писали, как правило, красиво.

Удивление вызвало то, что обычная надпись появилась на доске с расписанием, где полагалось вывешивать исключительно компьютерные тексты. Письменных правил не было, но директриса всегда строго за этим следила: Лицей заботился о своём лице и международном престиже (хотя о нём наверняка не знали даже на уровне Города) и старался идти в ногу со временем и прогрессом. Кроме смены вывески, о чём уже говорилось раньше, года два назад в Лицее оборудовали компьютерный класс.

Ну что можно сказать? Молиться на него не молились, однако вход в святая святых обставлялся довольно торжественно: запускали туда строго по одному и обязательно в бахилах, и это при том, что в «профанных» помещениях Лицея дежурные едва-едва следили за сменкой. Девчата помнили, как прошлой весной, в самую слякоть, с порога исчез куда-то пластмассовый коврик для ног, и это исчезновение оставило глубокий след в рекреации первого этажа и у гардероба.

В общем, девочки решили сходить на первое занятие и послушать, что им расскажет преподаватель из универа. Они уже привыкли ко всякого рода дополнительным развивающим курсам, и двигало ими простое любопытство: существуют ли в реальности лешие?

Но до понедельника было ещё далеко, а на дворе – двадцать пятое. День рождения у Медвежонок.

Праздновали как обычно: сперва Медвежонок посидела с мамой и братом, а вечером пошла к Снежинке. Там уже накрыли стол и все были в сборе.

– Ну, хвастайся, – встретила Медвежонок с порога Снежинка. – Чего подарили?

– Вот, – Медвежонок с гордостью показала наручные часы с бисерным ремешком и забавным медвежонок на циферблате.

– Прикольно. А у нас тоже кое-что медвежье. – Она кивнула Веточке, и та нажала кнопку CD-плеера.

Завыли волки, дробным топотом в вое ветра отозвались копыта мчащихся лошадей. Застучала перкуссия, зазвучала гитара, заветвились гудящие звуки виолончели. Низкий женский голос запел:

*Что ни вечер, то мне, молодцу,
Ненавистен княжий терем.
И кручина злее половца
Грязный пол шагами мерит.*

*Завихрился над осинами
Жгучий дым истлевающим стягом.
Я тоску свою звериную
Заливаю пенной брагой...*

– Это что за народное творчество? – поинтересовалась Медвежонок, проходя в гостиную.

– Ты припев, припев послушай! – Снежинка подняла вверх палец, призывая подружку к тишине.

*Пряный запах темноты,
Леса горькая купель,
Медвежонок звался ты;
Вырос – вышел лютый зверь!*

*Так выпей – может, выйдет толк,
Обретёшь своё добро!*

*Был волчонок – станет волк:
Ветер, кровь и серебро!*

- Это про тебя, – торжественно объявила Снежинка.
- Песня больно мрачная, – ответила Медвежонок, садясь за стол.
- Вот-вот, – подхватила обрадованно Лисичка. – Я им говорила, а они смеются. Бесовщина сплошная!
- Ну-ну, полегче! – обиделась Веточка. – Ничего тут бесовского нет.
- Ладно, – вмешалась Белочка. – Кончай базар – айда хавать.
- А где твои предки? – спросила Медвежонок у Снежинки, когда все наконец угомонились и сели за стол.
- Фатер – на службе, Мутер – на приёме, а Брудершафт где-то шатается. Ну, с Днём варенья!

Вернувшись домой уже около полуночи, Медвежонок перед сном всё-таки поставила подаренный девочками диск. В суматохе праздника она его так толком и не послушала. Чтобы не мешать брату, она надела наушники и села за стол.

Положив перед собой коробку от диска, девушка всмотрелась в чёрно-синюю обложку: в лунном сиянии море, норманнский корабль с полосатым парусом и полярная сова, а сверху надпись: Мельница «Дорога сна».

«М-да, – подумала Медвежонок, вслушиваясь в слова песен, – неудивительно, что Лисичка испугалась. Но... что-то в этих песнях есть».

Особенно её, конечно, зацепил «Оборотень». Она снова вспомнила свой сон, вспомнила толкования Веточки и странную семейку, появившуюся на Троеборье. Неужели между этими событиями есть связь?

«Он придёт и уйдёт, а ты вернёшься той же дорогой». Какой дорогой – дорогой Сна? Куда? И, словно в ответ, из наушников звенящий голос пропел: «На Север... вы в сером... вы – звери... на Север!»

Повеяло приключениями.

Снежинка тоже, судя по всему, это почувствовала, ибо на следующий день загорелась желанием сбегать на Троеборье и посмотреть, не появятся ли там таинственные незнакомцы.

Но таинственные незнакомцы появились неожиданно во дворе у качелей.

На этот раз Сергей был один, зато на плече у него восседала удивительной красоты кошара. Породы она была обычной, дворовой, но голова и ок-

рас придавали ей сходство с рысью, и держалась она с таким достоинством, будто всю жизнь прожила при дворе английской королевы.

Ничего необычного на сей раз не произошло. Сергей часок погулял с кошкой, а потом ушёл в подъезд, где жила Снежинка.

А в понедельник... В понедельник вся пятёрка собралась у Ленинской комнаты в ожидании обещанного спецкурса.

У окна рекреации темнела высокая фигура, в которой подруги узнали Лилю Печорину. Её появление удивило девчат: в Лицей она пришла всего год назад, но среди мальчишек и девчонок одиннадцатой параллели уже успела прослыть «чокнутой», поскольку при малейшем внимании со стороны кого бы то ни было сразу же давала понять, что не имеет ни малейшего желания общаться, а особо непонятливым могла и двинуть как следует, особенно мальчишкам; при этом ходила она всегда в чёрном с серебром платье и красила волосы в радикально чёрный цвет. Если бы не её крутой нрав, то мальчишки бегали бы за ней не меньше, чем за Снежинкой, поскольку внешностью она в чём-то даже затмевала вечно холодную Белоброву. Ростом Лиля была вровень с Лисичкой и такая же статная да ладная, но в отличие от Лисички – жёсткая и скрытная, а в отличие от Снежинки – молчаливая и сосредоточенная. В её огромных глазах цвета агата постоянно светилось подозрительное внимание ко всему происходящему вокруг. И ещё у неё была странная привычка везде таскать с собой небольшой альбом и карандаш. Вот и теперь, сидя на подоконнике в ожидании звонка, она что-то рисовала на серых листах для эскизов. Что ей понадобилось на спецкурсе, можно было только гадать, чем подруги и занимались, пока не пришёл преподаватель.

Первой его заметила Веточка, а потому она первая ахнула, прижав руку ко рту и вытаращив глаза. Вслед за ней то же самое сделали и остальные. Да и как было не ахнуть, когда прямо на них по коридору шёл молодой человек с узким гранёным лицом, обрамлённым жёсткими включенными волосами серебристо-серого цвета с редкими светло-коричневыми прядями – Сергей!

– Здравствуйте, ребята, – приветливо кивнул он школьницам, подойдя к двери Ленинки. – Что-то, смотрю я, мужчин не заинтересовали вопросы русской культуры. Может, оно и к лучшему: меньше народу – больше кислорода.

Он открыл дверь и, войдя в класс, щёлкнул выключателем.

Ленинку за глаза называли просто «Ленкой», реже – «мавзолей Вована», но так говорили только некоторые мальчишки. Она пережила Советскую власть и даже сохранила более-менее приличный внешний вид: там даже остались на полках собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма, а в

углу у окна стояло пионерское знамя. Многие факультативы и спецкурсы по непонятной причине проводились именно там, и про такие занятия девчата говорили «гостить у Ленки». Там, кстати, часто гостил и Владимир Ильич со своими уроками истории, за что его окрестили Лениным.

Некоторое время Сергей Владимирович стоял, удивлённо оглядываясь, а потом сказал:

– М-да, неплохое место. Очень даже ничего.

Девчата расселись по местам и замерли, ожидая начала лекции, но Сергей Владимирович неожиданно повернулся к ним и спросил без всяких предисловий:

– Скажите, вы любите лес?

Вопрос застал ребят врасплох: что значит «любите лес»?

– Ну просто, любите ли вы лес: деревья, зверей, птиц?

– Вообще – любим, – сказала наконец Лисичка.

– А в частности? Что вы любите в нём?

– Ну как... Гулять любим, дышать свежим воздухом, тишину слушать.

– И всё?

– А что ещё?

– Тогда скажем так: за что мы должны любить Лес?

– А разве его нужно любить? – удивилась Снежинка.

– Вот это я хочу услышать от вас.

– Думаю, что да, – неожиданно подала голос Лиля. Все воззрились на неё, как на привидение: Лилия вызвалась отвечать! А та продолжала:

– Леса – это же лёгкие планеты. Деревья вырабатывают кислород и поглощают углекислый газ.

– Вот именно! – обрадовался Сергей Владимирович. – Точнее не скажешь.

– А ещё они живые, – вставила Веточка.

– Несомненно. И всё же замечание вашей подруги важнее. Любовь к лесу, к деревьям – не просто чувство, зависящее от нашей с вами прихоти, а чувство, рождающееся из самой сути вещей и связей меж ними. Как вы думаете, что вообще такое любовь? – Сергей Владимирович оглядел присутствующих. Белочка хихикнула.

– Вот это ха-ха в русском языке называется другим словом. А любовь?

– Привязанность? – предположила Медвежонок.

– Глубокая привязанность. И прислушайтесь к слову «привязанность».

О чём оно говорит?

– О связи.

– Не о связи, а о привязи. Что если это слово истолковать буквально? Когда двое привязаны друг к другу, они друг от друга зависят, и всё, что происходит с одним, отзывается в сердце другого. Зависим ли мы от деревьев? – зависим. Привязаны ли мы к ним? – Да. Глубока ли эта привязанность? – Несомненно. И если мы не думаем об этом, то мы – лишь иллюстрация к басне Крылова «Свинья под дубом вековым». Ну, или иваны, не помнящие родства.

– А какое у людей родство с деревьями? – удивилась Снежинка.

– Самое что ни на есть близкое. В каком-то смысле все мы произошли от деревьев.

– Как это? – поразились все.

– Да очень просто. Начнём с того, что наши предки жили в основном на деревьях.

– Это какие предки? – невольно вырвалось у Лисички. – Адам и Ева?

– Ты чё несёшь? – Белочка ошарашенно воззрилась на подругу.

– А что? – обиделась Лисичка. – В Библии, между прочим...

Сергей Владимирович покашлял:

– А мне можно закончить?

Девчата смутились и замолчали.

– Спасибо. – Он приветливо улыбнулся Лере и продолжал:

– Так вот, наши предки – не Адам и Ева, а древние приматы – жили на деревьях. Учёные назвали их дриопитеками, что означает «лесная обезьяна». От них произошли современные шимпанзе, гориллы и... люди.

– Да разве человек произошёл от обезьяны? – снова попыталась возразить Лисичка.

– Ну что вы, нет конечно. У нас с обезьянами был общий предок. Сомневаетесь? Можете на досуге сличить фотографии. А так... – Сергей Владимирович подошёл к окну и неожиданно резко провёл ключом по стеклу. Раздавшийся визжащий звук заставил девчат вздрогнуть и съёжиться.

– А знаете почему? – повернулся он к ним. – Тревожный крик приматов – всё просто.

– Ну а деревья? – спросила Лиля. Все снова удивлённо покосились на неё.

– Если говорить точнее, у Людей с Деревьями не родство, а сродство. И надо ли, девчата, доказывать огромную важность Лесов для всего живого? Под кронами деревьев бок о бок живут мхи и лишайники, грибы и насекомые, звери и птицы. Лес – источник нашей с вами материальной культуры: пищи, одежды, жилищ, лекарств и орудий труда. Давайте снова прислушаемся к родному языку. Сродство Человека и всего, что растёт, заметно в са-

мых простых словах: у нас есть рост и возраст, у животных – шкура, то есть кора, а в лёгких...

– Бронхиальное дерево, – подхватила Лиля (никто уже не удивился).

– И разветвлённая система сосудов и нервов, – добавил Сергей Владимирович. – А у нейронов головного мозга – древовидные отростки, дендриты. Кроме того, волосы на лице называются... – он глянул на девчат, потеряв бив клочкастые бакенбарды.

– Растительность, – хором ответили Веточка, Белочка и Снежинка.

– А о глубоком старике говорят...

– Древний, – опередила всех Лиля и тут же спросила: – А слово «древний» случайно не связано с деревьями?

– Случайно связано, ведь в древности большая часть территории расселения наших предков-славян была покрыта лесами. А что ещё мы можем отыскать в потоке повседневных слов?

– Генеалогическое дерево, – вспомнила Веточка. – Вот, у Человека есть корни. И ещё говорят же: коренной житель.

– Много как говорят по русским говорам, – ответил Сергей Владимирович. – Коренная земля, коренная подруга, коренная сестра. И даже – коренной мастер. «Корень» – ключевое слово, одно из главных. В нём заключено сродство Деревьев, Человека и Языка, ибо корни есть не только у деревьев и людей, но и у слов.

Медвежонок выпрямилась: надо же, она никогда не обращала на это внимания! Перед её внутренним взором возникли три зеленовато-серые змеистые нити, каждая из которых была корнем – Слова ли, Деревя, Человека.

Внезапно они одним рывком свились в тугий шнур, и слова-омонимы, плоские и безликие, истёртые повседневной привычкой, стали неожиданно единым словом, объёмным и лучистым, исполненным глубокого смысла.

В этот момент Медвежонок поняла, что оно всегда было единым, а те слова-омонимы являлись всего лишь гранями этого смысла, образуя хрустальную пирамиду, в центре которой горело скрытое пламя.

Девушка ещё не знала, что из этого следует, но уже слышала далёкое эхо, проникавшее глубже, чем вопли болотной выпи.

А Сергей Владимирович меж тем продолжал:

– Сродство Человека с Деревьями так велико, что в мифах говорится прямо: Люди были созданы из Деревьев. Об этом, в частности, поют песни скандинавской «Старшей Эдды»: – И он произнёс нараспев:

...fundu á landi, lítt megandi

Ask ok Emblu, örlöglausa.

*«Нашли на земле маломощных
Иву и Ясень, судьбы не имевших»*

При звуках этого странного языка вздрогнула и насторожилась Снежинка.

– Что это за язык? – спросила она.

– Древнеисландский, – ответил преподаватель. – А что?

– Нет, ничего. А дальше? Что было дальше?

Сергей Владимирович пожал плечами:

– Как обычно:

*...önd gaf Óðinn, óð gaf Hæmir,
lá gaf Lóðurr ok litu góða.*

*«Одинн дал дыхание, а Хёмир – дух,
Лодур – румянец и внешний облик»*

– Одинн? Я где-то слышала это имя!

Теперь уже все с изумлением посмотрели на Снежинку, но та и сама ничего не понимала.

К её сердцу подобрался холод, словно она и впрямь превратилась в снежинку или что-то вспомнила.

– Так это чё, – неожиданно вступила в разговор Белочка, – их чё, из дерева того, типа как папа Карлыч Буратину?

– Типа того, – в тон ей ответил Сергей Владимирович.

– Так вы же сами только что сказали, что мы от обезьян произошли! – Лисичка слегка запуталась.

– Ну, Букварь, тебя чё, предки до буквы Е только дописали? – снова одёрнула подругу Белочка.

– Перестань! – возмутилась Веточка.

– Тише, тише, – мягко, но решительно прервал подруг преподаватель. – Я ещё раз повторюсь: Люди произошли не от обезьян, у нас с ними были общие предки – это исторически. Но мифологически всё живое сродни деревьям, ибо миф – это, прежде всего, осмысление истории, её одушевление; это предчувствие изначальной гармонии мира, единства и взаимосвязи всего, что живёт на нашей планете. На нашей Земле.

И попробуйте ответить вот на какой вопрос: что следует из мифологического сродства Людей и Деревьев?

Девчата пожали плечами.

Лисичка расстроилась и обиделась на Белочку, а потому отрешённо глядела в окно. Иногда она мелко крестилась и что-то шептала себе под нос.

Первой заговорила Лиля. Вот как иногда бывает: учишься бок о бок с человеком – и ничегошеньки о нём не знаешь. Лиля преобразилась в мгновение ока, словно сидела не на занятиях в школе, а у себя дома в тесном семейном кругу, и у Снежинки промелькнула паническая мысль, что она, чего доброго, обойдёт её во внимании со стороны одноклассников.

– Я думаю, – уверенно сказала Лиля, – смысл этого мифа в том, что Человек должен жить на своей земле и не терять корней, ведь дерево, отделённое от своего корня, непременно погибнет.

– И всё? – удивилась Веточка.

– А так ли уж мало понимать, что Человек неотделим от родины? Многие ли это понимают? Вот вы скажите мне. – Сергей Владимирович повернулся к Снежинке. – Правильно ли, когда человек покидает свою родину, уезжая, например, за границу, переселяясь в другую страну?

– А что такого? – сказала Снежинка. – Если здесь ему не дают реализовать себя!

– А что вы понимаете под самореализацией?

– Ну, как? – Снежинка запнулась. – Это, ну, стать успешным, открыть своё дело, денег заработать.

– А что значит стать успешным? – продолжал атаковать Сергей Владимирович.

Снежинка совсем растерялась. Похоже, до этого она просто не задумывалась над таким сложным вопросом.

– Древние называли Землю Матерью. – продолжал Сергей Владимирович. – Мать Сыра Земля. Где она теперь? Неужели вы добываете свой хлеб, работая в поле? – Асфальт, обувь, десять этажей железобетона отделяют нас от неё! А помните легенду об Антее, сыне Земли, который умер, когда Геракл отнял его от материнского лона?

Где вода, питающая наши корни? – Шлюзы, водохранилище, хлорированная жидкость, текущая из крана, сточные каналы!

– Болота, – подсказала Веточка.

– Болота – это живое существо, и ваше счастье, что оно у вас есть. А в Городе?

Даже воздух там ядовит, а вместо серебристого предутреннего тумана – пепельно-серый смог.

– А огонь? Живой огонь, давший Людям культуру? – на производстве его больше нет, в домах – разве что в газовых плитах. Жгут по мелочам: на пикниках, в походах, но это лишь имитация – так, для развлечения.

– А мы ещё свечи иногда зажигаем, – возразила Веточка. – Вот если свет возьмут и отключат, или там на дне рождения.

– И в церкви, – оживилась Лисичка. – Там свечи – это души людей.

– А на дне рождения? – поинтересовалась Медвежонок.

– Прожитый год.

– А-а, так вот почему зажигают столько свечей, сколько тебе лет! – изумилась Снежинка.

– Да, и задувают их, потому что эти годы прошли, отгорели. Но имеет ли смысл этот обычай сейчас? Многие ли зажигают и задувают свечи на свой день рождения?

– У нас раньше мама всегда зажигала! – вспомнила Веточка и печально потупилась.

Медвежонок ничего не ответила: этот обычай очень любил папа – зажигал свечи на все дни рождения: и свои, и мамины, и Мишины, и её, Медвежонка. Потом всё кончилось.

Белочка хмуро молчала.

Лисичка почему-то вспомнила, как в детстве зажигала восковые свечи и ставила их перед иконой Божьей Матери.

Снежинка такими проблемами не заморачивалась, поскольку, несмотря на холодное прозвище, с огнём была на короткой ноге: в походах, особенно на Алтае, без огня никуда.

И всё же все пятеро на миг ощутили оторванность от Земли. Им даже показалось, что именно в этом причина давящего чувства неуверенности, не покидавшего их среди повседневных дел – ведь оно исчезало, едва девчата переступали порог Лесного Чертога. Даже Снежинка задумалась. Очень давно она уже не ходила с папой ни в какие походы и не сидела у живого огня. А ведь этого может, оказывается, не хватать! Даже ей – привыкшей к богатству и праздности. Но Снежинка была не из тех, кто легко сдавался.

– Ну и ладно, пусть так! Но мы же пока не умерли. Живём себе и живём. Да и природа – вон её сколько!

– Вот именно, – кивнул головой Сергей Владимирович. – Живёте себе и живёте. Всё себе живёте и для себя. И не замечаете, что многие уже умерли. Давно ли вы ходили классом в кино?

Все недоумённо глянули друг на друга: какое ещё кино?

– А зачем? – не поняла Снежинка. – У всех же видаки есть. И DVD.

– И впрямь, – согласился учитель. – Зачем, когда видаки есть: в любое время, удобно и никто не мешает.

Медвежонок сообразила, к чему он клонит.

– А можно ли считать живыми людей, не испытывающих потребности в общении с себе подобными? Да и Природа... Что вы называете Природой?

– Ну, Лес, Болота, – ответила Веточка.

– Это здесь. А в Городе?

– Ну там парки всякие, газоны.

– Так это – парки, а Дикая Природа?

– А зачем она людям? – не выдержала Снежинка.

– А, то есть сама по себе Природа существовать не должна? «Всякое дерево, не приносящее плода, должно быть срублено и брошено в огонь», как говорит Библия.

– Ну, зачем вы так? – чуть не плача сказала Лисичка.

– Я не хотел вас обидеть, но истощение и искажение четырёх основных стихий Природы ведёт к истощению и искажению Человека и его духовного мира, ведь он не упал на Землю с Небес, а вырос на лоне Природы. Кстати, если говорить о человеческой культуре, то на происхождение людей от дриопитеков указывает образ Рая в том числе.

– Как это? – удивилась Лисичка.

– Очень просто. Рай ведь где?

– На Небе.

– Ну да, а что он из себя представляет?

– Прекрасный сад. В нём жили Адам и Ева, и его наследуют праведники после Страшного Суда.

– Так вот, Рай этот – не более чем воспоминание о нашем первобытном состоянии, при котором наши обезьяноподобные предки жили на деревьях, то есть над землёй – наверху, и питались плодами, и было им хорошо. А вот если они падали вниз, их тут же съедали хищники.

Глаза Лисички широко раскрылись от изумления. Очевидно, эта простая истина поразила её до глубины души. Остальные были удивлены не меньше, но объяснение было настолько изящным и очевидным, что возражать никто не стал. Более того, Белочка вспомнила, как около года назад по телевизору показывали сериал «Прогулки с чудовищами», и там как раз был эпизод с древними приматами, которые переправлялись по веткам через глубоководные протоки океана Тетис, глубоко врезавшиеся в первобытные берега. Заезавшиеся или промахнувшиеся обезьянки тут же становились добычей свирепых акул.

– Ну, вот вам и косвенное доказательство, - ответил Сергей Владимирович.

Когда прозвенел звонок, и учитель, закрыв «Ленку», попрощался и тихо исчез, девочки ещё долго стояли в рекреации, глядя ему вслед. В их памяти и словно вокруг них всё ещё звучал спокойный голос, унося за пределы повседневной жизни и приоткрывая завесу над иным, незнакомым миром, который вроде бы всегда был рядом, но о котором они почти ничего не знали. Казалось, они долго парили над землёй, озирая необъятные просторы, а потом приземлились, сложили крылья и потихоньку остывают, разгорячённые полётом. Но чувство это быстро прошло. Голос постепенно стих, и они огляделись, как будто впервые увидели свой Лицей и друг друга.

Лиля куда-то девалась, хотя никто не видел, как она уходила. Остальные глубоко и одновременно вздохнули и смогли наконец-то обменяться впечатлениями.

Веточка была в буйном восторге. Снежинка, хотя и стояла с девочками - отсутствовала. Белочка и Медвежонок пребывали в сомнениях и раздумье, а Лисичка натурально дрожала от волнения и страха.

– Прикольный шкраб, – сказала наконец Белочка.

– Ты чё-нибудь поняла, чё он плёл? – поинтересовалась Снежинка.

– В последнее время я вообще мало чё понимаю. Дурдом со сквозняками, да и только.

– Да ну, глупости болтаешь, – вмешалась Веточка. – Всё он понятно говорил. Смотрел только странно. Я его взгляд прямо ощутила. И знаете... почему-то вспомнила Лес.

– Кстати, о Лесе, – чуть ли не на весь лицей завопила Снежинка, едва увидела Веточку на следующий день. – Хотите прикол?

– Ну?

– Вы знаете, что эта парочка все последние дни ходила в Лес?

– Ну и?

– И не возвращалась.

– То есть?

– Я специально вчера допоздна торчала во дворе, а потом подслушивала под дверью – они ведь живут на нашей площадке, и никого не было ни видно, ни слышно.

– Как, под их дверью подслушивала? – удивилась Веточка.

– Да не под их, балда! Под своей.

– Странно, – Медвежонок нахмурилась.

– Ещё бы, – подхватила Снежинка. – Если живёшь в квартире, зачем на ночь уходить в Лес. У меня есть ещё одна идея. Потом расскажу.

– Маразм крепчает! – объявила она два дня спустя. – Они продолжают ночевать в лесу. По крайней мере, вечером уходят – и всё, с концами. Мало того. – Снежинка понизила голос. – Я залезла в интернет... Не сама, конечно, брат помог. Он взломал какую-то базу, где всё про всех написано...

– Ты с ума сошла! – воскликнула Медвежонок.

– И что ты там обнаружила? Номер его банковского счёта в Швейцарии? – заинтересованно спросила Лисичка.

– Ничего, – ответила Снежинка и так посмотрела на подруг, словно ожидала, что они немедленно упадут в обморок. А когда этого не случилось, она повторила, выделяя каждое слово: – У него нет никаких данных! Его вообще нет в природе!

– Мало ли, – нерешительно сказала Белочка. – Если человека нет в компе, это ещё не значит, что его нет вообще.

– Ну да, – возразила Снежинка. – У любого человека есть хотя бы минимальные данные.

– Ну и как всё это объяснить?

– Понятия не имею.

– Очень плохой мистический триллер, – подвела итог Лисичка.

– А знаете, – заговорщицки прошептала неутомимая Снежинка, – давайте за ними проследим.

– С ума сошла? – озабоченно спросила Медвежонок.

– Пока ещё нет. А вот если не выясню, в чём дело, точно сойду! – Она притянула девчат к себе и таинственным шёпотом закончила: – Сегодня вечером собираемся у меня.

Медленно тянулось время до сумерек.

Девчата сидели на кухне у Снежинки, пили чай и заедали алтайским мёдом. Сама же Снежинка сидела у двери, внимательно прислушиваясь к звукам из подъезда.

– Да угомонись ты, – повторяла Веточка каждые две минуты, но Снежинка только шикала на неё:

– Тише, а то пропустим! Знаешь, как они бесшумно ходят.

Солнце неторопливо зашло за косматые ели, и пики Лесного Чертога почернели на фоне пламенеющих небес.

Внезапно на лестничной клетке приглушённо хлопнула входная дверь. Девчата насторожились.

– Они! – Снежинка сорвалась с места и бросилась в прихожую. – Одевайтесь! Алекс, закройся! – крикнула она, когда все собрались.

– Куда это на ночь глядя? – удивился Саша.

– Мы недалеко. На мобилу не звони: отключу. Всё, пока!

Две минуты спустя вся компания была уже внизу.

– Смотрите! – шепнула Веточка. Снежинка сняла тёмные очки и всмотрелась во тьму.

В неверном свете окон девчата различили две тёмные фигуры, уходившие по тропе в Преддверие Леса.

– Бежим за ними! – Снежинка толкнула в бок стоявшую рядом Лисичку, и вся пятёрка как по команде бросилась к тёмному прогалу между белыми десятиэтажками.

Двигаться надо было осторожно и тихо, а главное, на достаточном расстоянии, поэтому, когда подружки добрались до Стены, никого уже не было видно.

– Ну и куда теперь? – поинтересовалась Медвежонок.

– Вон он! – шепнула Лисичка. – Я его вижу!

– Его? – удивилась Медвежонок. – А где Олеся?

– Без понятия.

– Лисичка, – изменившимся голосом сказала Снежинка. – Лисичка, там никого нет.

– Как это нет?! Вон же он!

– Я вам говорила, что хорошо вижу в темноте. Нет там никого!

– А я что, по-твоему, слепая? – возмутилась Лисичка. – Идите за мной.

Ведомые Лисичкой, подружки углубились в Лесной Чертог. Снежинка не переставала ворчать, что впереди никого нет, но прочие иногда различали в том направлении неясную тень.

Через некоторое время Медвежонок начала беспокоиться.

Девчата уходили в Лес всё дальше и дальше. Сосны давно закончились. Начался глухой залом. Здесь ещё не было снега, тревожно шуршала хвоя, потрескивали сухие сучья, а верхушки елей напоминали клыки какого-то громадного хищника.

Внезапно Лисичка остановилась.

– Ты чего? – шёпотом спросили все.

– Тише, – цыкнула та. – Смотрите!

– Куда?

– Вон, стоит.

– Кто?

– Сергей Владимирович. Замер и стоит вон там, в низине.

Девчата присмотрелись.

Они стояли на краю обширной елани, укрытой под пологом звёздной осенней ночи и озарённой сиянием наполовину созревшей Луны. В самом центре елани темнела фигура, по очертаниям напоминавшая странного учителя.

Он стоял, пригнувшись, будто искал что-то на земле, и даже Снежинка готова была поклясться, что это именно Сергей Владимирович, но странная неподвижность заставила Медвежонка подойти почти вплотную к нему и назвать его по имени.

Ответа не последовало.

В следующее мгновение девушка разразилась громким смехом, всколыхнувшем безмолвную тишину. Подруги в удивлении подбежали к ней и тоже начали неудержимо смеяться: перед ними в холодном лунном свете раскорячился старый трухлявый пенёк, заросший бородастым мхом. Лет этому пню было прилично, ибо валявшийся рядом ствол, сломанный, вероятно, ветром, успел врасти в землю и одеться толстым слоем лесной подстилки.

Снежинке стало не по себе, ведь она отчётливо различала человеческую фигуру, а потом... Она так и не поняла, как эта фигура превратилась в пенёк. Правда, она могла и ошибиться, ведь ночью мир для неё хоть и приобретал чёткость, но погружался в тяжёлые сумерки, и с расстоянием видимость резко падала.

Белочка протянула руку и, отломив сухую щепку, задумчиво посмотрела на Лисичку. Та с независимым видом обошла вокруг пня и сказала:

– С кем не бывает.

– Да ты у нас, оказывается, Сусанин, – съязвила Веточка.

– Ведун, в натуре, – дополнила Белочка.

– Кто ещё чего скажет? – поинтересовалась Лисичка.

– Идёмте отсюда. – Медвежонок озабоченно посмотрела назад. – Уже поздно, а дороги мы не знаем. Как бы не заблудиться.

Все тут же согласились. Дух авантюризма завёл их в неизвестную часть Леса, и теперь им стало немного не по себе.

Они медленно побрели в обратном направлении, потихоньку остывая и чувствуя, как из тёмных уголков мрачного ельника выползает холодный страх и забирается им в самое сердце. При каждом шорохе и внезапном треске девчата вздрагивали, а Лисичка мелко крестилась.

Шороху в Лесу было много: шуршали и скрипели деревья, шарились в ветвях можжевельника щуры и свиристели, бегали по стволам белки, а где-то на самых вершинах редких сосен, на прогалинах барабанили неутомонные дятлы.

Однако было в этом страхе что-то не совсем страшное, давно забытое, но таящееся под покрывами детских снов, за колыхающимися занавесками детских спален, шуршащее по ковру и под кроватями, а потом срывающее покрывы снов и пробуждающее древние силы превыше любого человеческого воспоминания.

Медвежонок боялась признаться даже себе самой, но она явственно ощущала присутствие великой мощи, могучего сознания за пределами снов. Оно дышало в каждой пяди холодной земли, укрытой ковром гранёных еловых игл, следило за девочками из каждой трещины в морщинистой коре и обнимало их души индиговым покрывалом осенней ночи, усеянным белыми звёздами.

– Мне страшно, – пожаловалась Веточка. – Они смотрят.

– Кто?

– Не знаю. Но они смотрят. И слушают.

– Слушает, – шёпотом поправила её Лисичка. – И идёт. На мягких лапах. И дышит, дышит.

Веточка хотела было оглянуться, но Лисичка схватила её за руку.

– Не вздумай, нельзя ведь!

Некоторое время шли молча. Но потом стали тихонько переговариваться и ускорили шаги, потому что за спиной отчётливо слышались тяжёлое дыхание и дробный топот какого-то крупного зверя.

– Глючит не по-детски, с чего бы? – сказала Белочка, и в её голосе слышались панические нотки.

Веточка некоторое время боролась с искушением, а потом глянула-таки через плечо.

– Ой, мама! – вырвалось у неё. – Мама, мамочка!

Все разом обернулись.

Снежинка схватилась рукою за горло.

Метрах в двухстах от них на узкой тропинке между елями, по которой они шли, двигалась косматая тень с крупными янтарно-коричневыми глазами, ярко горевшими в лунном свете.

– Бежим! – завизжала Лисичка.

Плохо соображая, что происходит, все гурьбой помчались по тропинке. Оглядываться уже никто не смел, но веселее от этого не становилось. Даже если всё это было не по правде, останавливаться и проверять почему-то не хотелось. Сколько они бежали, неизвестно. Но вот впереди замаячили яркие огни фонарей, стены Лесного Чертога раздвинулись, и перепуганные девочки высыпали на шоссе. Без остановки промчались через Преддверие мимо

удивлённых сосен и, тяжело дыша, взлетели на крыльцо Снежинкиного подъезда.

Кругом было тихо. Светились редкие окошки, а вдалеке шумели машины.

– Ну что? – иронически спросила Медвежонок, едва переводя дыхание.
– Получили перед сном приключения?

Лисичка присела на ступеньку и расплакалась.

– Мать Пресвятая Богородица, – шептала она сквозь слёзы, крепко сцепив пальцы рук, – спаси и сохрани! Господи, помилуй мя, Господи Иисусе, избави мя от лукаваго!

Честно говоря, в этот момент даже у Белочки возникло желание сказать нечто подобное. Она присела рядом и обняла Лисичку за плечи.

– Ты это, того, не дрейфь, – смущённо пробормотала она. – Ну подумаешь, крыша слегка поехала, с кем не бывает.

– Говорила я вам, – всхлипнула Лисичка, – не надо было слушать эту дурацкую «Мельницу»! Бесовщина сплошная!

– Кто ж знал, – Медвежонок развела руками.

– А ты? – Веточка повернулась к Снежинке. – Ты что-нибудь смогла рассмотреть, ты же у нас глазастая? Снежинка?! Очнись! Да что с тобой?

Снежинка сидела прямо на земле, мелко и часто дыша, словно рыба, выброшенная на берег. Её глаза неподвижно смотрели в одну точку.

– Я видела это, – выдавила она из себя спустя некоторое время. – Видела.

– Что? Что ты видела?

Но Снежинка умолкла, и добиться от неё большего не удалось.

– Пойдёмте по домам, а? – Лисичка встала со ступенек и уже повернулась было к Медвежонку, как вдруг сзади послышались шаги.

Все одновременно вскрикнули и отскочили в сторону.

Перед ними стоял Сергей Владимирович.

Краем глаза Медвежонок успела заметить, как с его плеча метнулось что-то огненное и растворилось во мраке.

– Девочки? – удивлённо спросил учитель. – Что вы здесь делаете?

– Гуляем. А, ... а вы здесь живёте? – невпопад спросила Веточка.

– Да. Вы мне Жёлтую Рысь напугали.

– Кого? – не поняли девчата.

– Кошку нашу. Где я её теперь искать буду?

– А мы её сейчас найдём, – быстро ответила Веточка, но Белочка дёрнула её за рукав.

– У вас всё в порядке? – озабоченно спросил Сергей Владимирович.

– Да, всё хорошо! – поспешно ответила Лисичка. – А вот... А мы хотели узнать, у нас на каникулах факультатив будет?

– Конечно. Я договорился с Елизаветой Петровной.

– Ну и отлично. Тогда мы пойдём.

– Давайте, бегите, а то уже поздно. – И молодой человек вошёл в подъезд.

Когда он повернулся к девочкам спиной, они увидели, что морда хищника, нарисованная на куртке, слабо светится в темноте.